

ЛЕВ И ЕГО СЕМЬЯ

Лева, 1911г. рождения, пятый по старшинству сын и брат в семье Беккер, рос спокойным, здоровым, сильным и немного с ленцой. После окончания третьего класса он был вынужден оставить школу, так как в первые годы советской власти родители должны были платить за обучение детей.

Семья была многодетная, работал один отец, и он не имел возможности платить. Поэтому Леву и младших двух братьев, АRONA и Сашу, исключили из школы.

Но когда семья переехала в Ленинград, Лева и Саша пошли учиться в техникум радиотелеграфистов и мотористов, и по окончании Лева начал работать мотористом в Северморпути, а затем вернулся с севера в Ленинград и пошел работать на Балтийский завод мотористом директорского катера.

Перед II мировой войной Лева сменил профиль своей деятельности и устроился в скучном пункте. Эти пункты были открыты в больших городах. Они скупали у населения новые и старые вещи, которые затем продавали населению с наценкой. Это организовали потому, что государственная торговля не могла обеспечить население всем необходимым. На этих скучных пунктах, по-видимому, зарабатывали прилично, потому что Лева обычно летом не работал, уезжая на юг, в Сочи.

В 1941 году, в первые же дни войны, Лева был призван в армию в строительный батальон, а потом был направлен в артиллерийское училище, но очень быстро все были брошены на фронт в противотанковый полк.

Был ранен в руку, потерял частично слух, лежал в госпитале, получил несколько правительенных наград за участие в войне с фашизмом и после войны вернулся в Ленинград.

Когда Лева лежал в госпитале, жена младшего брата, Саши – Валя – приехала в Москву и, узнав, что Лева в госпитале, пошла его навестить.

У нее с Сашей еще в самом начале войны испортились отношения, и они, по-моему, даже не переписывались и не считали себя мужем и женой. А Лева, по-видимому, любил Валю все годы, потому что она впоследствии мне рассказывала, что он ей как-то сказал: «Как жалко, что Саша познакомился с тобой раньше меня».

И еще до начала войны, когда у Вали с Сашей уже было двое детей, Жорж и Володя, и материально им было жить тяжело, Лева им помогал. Короче, по-видимому, Валя с Левой при свидании

в госпитале договорились сойтись, и поэтому, приехав в Ленинград, Лева заехал прямо к Вале.

И у них образовалась новая семья. Родились две дочки – Бела и Яна. Но, как принято в семье Беккер, никто не вмешивался, не обсуждал эту тему, и все было мирно и спокойно.

Они прожили вместе 30 лет, и мальчики были на попечении Левы и Вали. Ведь они были не только ее сыновья, но и Левины племянники. Он соответственно заботился о них и хорошо относился к ним.

Валя была умная, красивая женщина и хороший человек. Она вошла в семью Беккер, когда ей было 17 лет. Русская по национальности, она завоевала любовь всей семьи и даже мамы, то есть своей свекрови. Ее мама умерла, когда ей было 18-19 лет, а два ее брата, 16-летние близнецы, умерли с голоду во время блокады Ленинграда. Остался один отец, который завел другую семью. А Валя, живя долгие годы в еврейской семье, полностью «объевреилась». Она научилась готовить еврейские блюда, отмечала как еврейские, так и русские праздники, и даже научилась говорить на еврейском языке, понимала его, пела еврейские песни.

И даже на свадьбе у своей старшей дочери Белочки она в ресторане, где праздновали это событие, подошла с бокалом вина к матери жениха и спела на еврейском языке ей песню: «Оф киндер от мин блют форгисн». Это было потрясающее.

Белочка вышла замуж, кажется, 19-20 лет, будучи студенткой юридического факультета, за Мишу. Она была красивая девочка, но жизнь у них не сложилась и, прожив меньше года, они разошлись. Миша был евреем.

Через несколько лет она вышла замуж за Колю.

Он по отцу был армянин, а по матери – украинец. Так что в семье у Белочки смешение кровей четырех национальностей.

У Белочки с Колей родились две девочки: Машенька и Яночка. Во время второй беременности Белочка обнаружила у себя под мышкой опухоль, и было много переживаний.

Лева с Яночкой посыпали ей нужное лекарство с Запада и, слава Богу, оно помогло. Врачи считают, что опухоль рассосалась.

В 1975 году Валя стала очень болеть. Врачи обнаружили у нее рак, с метастазами в легких, и сказали, что проживет она только один год.

А в это время младшая ее дочка, Яночка, собралась уехать

в Америку. Ей был 21 год. Она училась в вечернем институте и работала.

Но в паспорте она была записана «русская» – по маме, как и все остальные дети. Лева им говорил при получении паспорта: «Записывайтесь русскими, легче жить будет». В Союзе многие так считали.

Но когда Яночка решила уехать в Америку, при подаче документов в ОВИР она написала в анкете в графе «национальность» – еврейка, по паспорту – русская и получила разрешение.

Валя была очень хорошая мать и не противоречила желанию своих детей. Хотя она сама и не думала уезжать из Союза, но Яне дала свое согласие.

А Лева тем более дал, потому что сам мечтал тоже уехать и начал даже учить английский язык. Он ушел на пенсию ровно в 60 лет и не работал.

Очень тяжело было смотреть на Валю, зная, что ее дни сочтены. Она очень похудела и, я думаю, что понимала свое положение.

Мы приехали в Ленинград в декабре попрощаться с сестрой Марка, Олей, и ее мужем, уезжающими в Америку уже к своим детям. И Валя тогда еще поехала с нами на проводы. Она оделась, сделала прическу и маникюр, наложила грим, но все знали, что дни ее сочтены. Валя сказала Оле при прощании: «Если будем живы, то, может быть, встретимся, а если нет, то замени Яночке маму».

Яночка уехала 30 апреля 1975 г., а Валя скончалась в мае 1976г. В данном случае врачи не ошиблись. Мы приехали на похороны в Ленинград. Я очень тяжело перенесла ее смерть. Ведь ей было всего 56,5 лет. Она почти 40 лет была в семье Беккер.

Лева очень тосковал и переживал Валину смерть. Она лежала дома, он очень хорошо за ней ухаживал, делал все возможное, чтобы облегчить ей последние дни; в этом ему очень помогала его младшая сестра Рая, которая была не только золовкой Вали, но и подругой. Они всю жизнь очень дружили.

Через год после Валиной смерти Лева встретил у кого-то на проводах приятную, красивую молодую женщину Софию Дымшиц и вскоре женился на ней, а затем месяцев через 6 они вместе уехали в Америку уже к Яночке. Белочка же с семьей осталась в Ленинграде и еще два Валиных сына – Жорж и Володя. Но о них я напишу в дальнейшем, когда буду писать о Саше.

По просьбе Вали, Яночка в Америке была принята нашей

дочерью Иннокой и жила у них несколько месяцев, пока нашла себе квартиру в Бруклине.

Затем она пошла учиться в колледж, вышла замуж, родила дочку, которую назвала Валей, в память своей мамы.

Но семейная жизнь у нее не сложилась, и она разошлась с мужем.

Было ей, конечно, тяжело, пока она не окончила учебу.

А теперь она на престижной работе в Нью-Джерси, купила кооперативную квартиру, дочке уже десятый год, хорошая девочка.

Яна сошлась с Леней, и жизнь налаживается.

А Лева с Софой живут уже 9 лет в понимании и уважении друг к другу. Живут как все пожилые эмигранты из Союза: хорошая квартира, мебель, частично привезенная из Союза, а частично приобретенная в Америке. Ни в чем не нуждаются, наслаждаются жизнью. Было бы только здоровье и хорошие новости от детей.

**Lev Bekker and Grisha Dvorkin – Betty's husband in the Soviet Army during the Great Patriotic War in Russia
1941-1945.**

Valia Bekker with daughter Bella.

Valia Bekker – Lev's wife. Leningrad.

Lev with wife Valia. Leningrad.

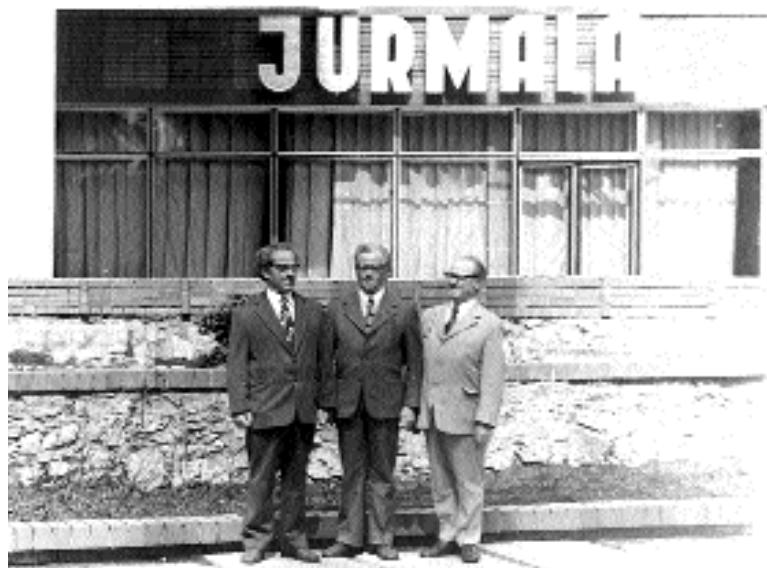
Valia Bekker with son Zhorik.

Zhorik and Volodya Bekker. Leningrad.

Bella and Yana Bekker.

Senya and Lev visiting Mark at Riga's seaside Jurmala, Latvia.

**Lev's wife Sofa, daughter Yana and granddaughter Valia with family
in New York.**

Lev with grandson Niki.

**Lev's daughters Bella, Yana and granddaughter Masha with Inna
at Sofa's and Mark's 60th wedding anniversary. May 1997, New York.**

**At the grave of Valia and Zhora Bekker
in St. Petersburg (Leningrad), May 2002.**

АРОН И ЕГО СЕМЬЯ

Ароша, как мы его называем в семье, пятый по старшинству брат. Он родился в октябре 1912г., рос высоким, худеньким, стройным, спокойным мальчиком. В школе учился всего несколько лет и был изгнан, так как отец не мог платить за обучение. Весной 1929 года он приехал к Марку, который в это время находился в Душанбе, Таджикской ССР, в Средней Азии. Там он устроился на курсы почтовых работников и, окончив их, был направлен на работу в районное отделение связи – заведующим.

Через несколько лет, приехав в отпуск в Ленинград, уже больше не вернулся туда, а пошел работать заведующим почтовым отделением в г. Оредеж, Ленинградской области.

Итак, он стал почтовым работником, и это была в жизни основная его профессия.

Но, помимо этого, Ароша – человек с лирическим настроем. Он любит поэзию, пишет стихи, некоторые совсем неплохие. В свое время делал попытки печатать их, но не получилось. Видимо, сказывался недостаток образования.

К тому времени, когда я вошла в семью Беккер, в 1937 г. он недавно отслужил в армии, куда призываются в обязательном порядке все граждане мужского пола, достигшие призывного возраста.

У меня с ним сложились самые теплые, хорошие отношения, как, впрочем, и со всеми остальными членами семьи.

На мой вопрос, почему он не женится, он неизменно отвечал: «Найди мне такую девушку, как ты».

В 1941 г., когда началась II мировая война, он был призван в армию и всю войну служил начальником армейской почтово-полевой станции. Имеет несколько правительственные наград.

В нашей жизни он сыграл особую роль, потому что во время блокады, когда я была в Ленинграде с маленькой дочкой, он, будучи на фронте, на Карельском перешейке, собирал сухари, высушивая кусочки хлеба, и посыпал их мне или привозил их сам, приезжая в Ленинград с отчетами.

Прошло почти три года со времени последней записи в этой тетради. Дома как-то не получается писать, а в Кемпах такое большое количество друзей и знакомых, появившихся у нас за 11 лет пребывания в Америке, что просто не хватает времени на писание. Ведь с каждым хочется пообщаться, побеседовать, побывать вместе, так как в Нью-Йорке не очень пообщашься из-за далеких расстояний.

А вот сегодня я решила продолжить свои записи, так как наши дети очень часто стали напоминать о них, с просьбой довести все же их до конца.

Итак, продолжу свое повествование об Ароше.

Ароша, конечно, необыкновенный человек и по всем своим качествам характера отличается от всех братьев. Одно у них у всех общее – это доброта и любознательность. А Ароша еще и поэтически настроенный человек, с большим чувством лиричности, любви к природе и ко всему красивому.

Он очень скромный человек и даже скромен в своих желаниях. Никогда не стремился к улучшению своей жизни, к приобретениям обогатительного характера.

Жениться ему было очень трудно. В каждой женщине он находил недостатки внешнего и внутреннего характера, да и война, конечно, помешала.

Ароше удалось сохранить так называемую «Беккеровскую» квартиру, как квартиру военнослужащего фронтовика. В ней было всего две комнаты, и он считал, что одна из них по праву принадлежит ему потому что можно жениться. Ведь наличие площади в Союзе – очень сложный и большой фактор.

И вот однажды Ароша пошел в театр, имея лишний билет, который у него купила одна молодая девушка и таким образом оказалась рядом с ним. Так он познакомился со своей будущей женой Раечкой, которой было лет 25, а Ароше – 34. Это было в 1946 году.

Она внешне была очень симпатичная. Была у нее сестра. Обе очень рано остались сиротами, потеряв родителей, и она, по-моему, была рада, попав в такую большую семью. Родила она двух сыновей. Очень пополнела, но стала серьезно болеть и в 40 лет умерла от болезни почек – уремии, оставив детей, когда старшему было 14 лет, а младшему – 9. Она прожила с Арошей всего 15 лет. Видимо, так уж ей было суждено. Рая была довольна своей семейной жизнью, мужем и детьми. Она даже как-то сказала мне при встрече, что Ароша такой же хороший муж, как Марк, а Марк, надо сказать, считался, да и до сих пор считается «эталоном» хорошего мужа.

Это так и есть. Нельзя сказать, чтобы Ароша очень любил свою жену. Я сужу по его высказываниям. Но в силу своей порядочности, он делал все для семьи, жены и детей, не считаясь со своими эмоциями. Тем не менее, оставшись с двумя детьми, он посвятил себя их воспитанию, не женился до сих пор, хотя все-

гда имел «даму сердца» и по сегодняшний день не бывает один.

Он дал своим сыновьям образование. Поменял для младшего сына Миши свою двухкомнатную квартиру так, чтобы дать ему площадь, а, как известно, в Советском Союзе получить квартиру – большая и трудная проблема.

Его старший сын Лева женился в молодости на русской девушке, работавшей с ним на одном заводе, и переехал жить к ней в квартиру, где жил и ее отец. У них родился сын, который уже теперь взрослый и учится в институте.

Младший сын Ароши после того как отслужил в армии, женился на своей подруге, была устроена красивая свадьба в ресторане, но жизнь у них не сложилась, и через год они разошлись. Правда, через некоторое время они опять сошлись, и у них родилась дочка, но все равно жизнь не клеилась, и они окончательно расстались, обездолив ребенка.

Недавно Миша женился вторично на молодой девушке.

И первая, и вторая жена у него русские, как и у старшего брата. Видимо, это упущение Ароши – не привил своим сыновьям чувства еврейства, и для них не имеет значения национальность. Но жизнь показала, что рано или поздно это значение проявляется.

Ароша же живет далеко от них, видится с ними не очень часто из-за больших расстояний, но перезваниваются чаще.

У него отдельная однокомнатная квартира в дальнем новом районе, друзей почти не осталось. В жизни он очень скромен, денег тратит мало и на питание, и на одежду – экономит во всем, поэтому у него скапливаются деньги, да плюс еще помощь брата Гриши из Америки. Таким образом, он имеет возможность отдохнуть три раза в году. Весной он ездит в Кисловодск (на Кавказ), летом – в Прибалтику, а осенью – в Сочи, к Черному морю. Кроме того, во время своих поездок он общается с людьми, а дома ему очень одиноко. Друзей у него почти нет: кто умер, кто уехал на Запад, да и холостяцкая его квартира не очень располагает к приему гостей.

Наверное, самым большим событием в его жизни была его поездка в Америку в 1988 г. Это была мечта всей его жизни. Он, конечно, даже не мог себе представить, как он ее осуществит, но готовился к ней всю жизнь, изучая английский язык, чтобы быть подготовленным и получить максимум удовольствия от поездки.

И вот совершенно неожиданно такая возможность появилась – Советский Союз начал выпускать своих граждан в гости к

родственникам и даже друзьям на несколько месяцев.

Ароша решил воспользоваться этим и попросил Марка сделать ему приглашение в гости на два месяца, считая это подарком к своему 75-летию со дня рождения. Мы выполнили его просьбу. Он приехал и получил максимум удовольствия. Все родственники делали для него все возможное, а то, что он приехал с приличным английским, конечно, очень помогло ему. Он общался везде и всюду с американцами, увидел в Америке много интересного, получил хорошие подарки от родственников и уехал отсюда очень довольный и с большим впечатлением от всего виденного.

Сейчас он мечтает поехать на экскурсию в Израиль. Пока это сложно осуществить, но я предполагаю, что в ближайшем будущем и это станет возможным. Уже есть сообщения, что из Израиля поехала группа туристов в Союз.

Но Ароша уже пишет, что готов вторично приехать в США, если невозможно поехать в Израиль. Вот как ему здесь понравилось!

After the war 1941-1945 still in officer's uniform Aron with brothers Senya, Lev, and Betty's husband Grisha Dvorkin. Leningrad.

Aron with wife Raia and sons Leva and Misha.

Aron with son Leva.

**Aron with brothers Mark and Lev reading his poems.
New York.**

Mark and Aron Bekker in New York.

Aron reading his poems for family and friends
at his 80th birthday party. New York.

Aron and his son Leva with Sofa and Mark
after 60th wedding anniversary. New York, 1997.

НАША ЭМИГРАЦИЯ В АМЕРИКУ

Теперь продолжу описание переезда моей семьи уже из Москвы в Вену и дальше на Запад.

По просьбе московских родственников мы приехали в Москву, как я уже писала, 29 июля 1978 года. Находились у Сени с Фирой несколько дней до отъезда.

1 августа проводили Жоза с семьей, а 4 августа улетели и мы с Марком из Москвы в Вену. Все родственники нас провожали. И мы, конечно, думали, что это расставание на всю жизнь, но оказалось, что на всю жизнь мы расстались только с теми, кто ушел из жизни.

Вскоре, в том же 1978 году, умерли Кетти и Аркадий – самый старший брат Марка и его жена. А через 5 лет, то есть в 1983 г. умер и их сын Рафа, 45-летний ученый, доктор химических наук. Эта смерть потрясла всех нас очень сильно, так как он был еще совсем молодым человеком, хорошим ученым. Он оставил хорошую память о себе и жене и сыну Павлу, очень похожему на него и внешне, и как человек. Как нам рассказывала приятельница их семьи, Рафа был личностью, и его сын тоже личность, хотя еще и очень молодой. Павел отслужил армию и сейчас учится в химическом институте.

Мы прилетели в Вену через несколько часов после вылета из Москвы. Там на аэродроме нас встречал наш сын Жозеф. Нас поселили в отеле в центре Вены, и мы начали оформлять наши документы для дальнейшего пути в Рим. Это длилось две недели.

Был разгар лета, тепло и для нас все ново. Мы с удовольствием осматривали Вену, ее окрестности и достопримечательности.

Это замечательный европейский город, очень красивый и чистый и во всем отличающийся от городов Советского Союза.

Осмотрели дворцы, парки, синагоги, оперный театр, памятники, отели, торговые центры, частные лавки, базары, полные изобилия магазины, в которые нам было даже войти страшно, так как покупателей там было мало, а товаров много, и продавцы сразу подходили к нам с вопросом, принятым на Западе, чем они могут помочь.

В Вене трамваи ходят во все концы города, и для того, чтобы людям было дешевле, продаются специальные карточки, которыми мы и воспользовались.

Наш сын с семьей жили на частной квартире, и мы раза 2-3 приезжали к ним. Их через неделю отправили в Рим, а нас – че-

рез две недели. Переезд поездом из Вены в Рим был довольно тяжелый. В поезде были только сидячие места, а так как мы уезжали в 12 часов ночи, то, естественно, очень хотелось спать, было душно и жарко.

Затем нас высадили на какой-то маленькой станции, не доехав Рима. Это сделали якобы потому, что боялись террористов. Посадили нас в автобусы, чтобы везти в Рим, кому-то стало плохо, отправили в госпиталь, а автобус все время стоял на солнцепеке, охраняемый какой-то мафией.

Когда мы приехали в Рим, был уже конец дня. Я так измучилась, что чуть ли не вывалилась из автобуса в объятия нашего сына, встречавшего нас вместе с внуком Павликом около отеля, где мы должны были остановиться. И тогда я сказала сыну со слезами на глазах: «И за что это мне такие муки!»

Дорога до Рима была очень красивая, но я это все видела в полуобморочном состоянии. А жаль! Вряд ли мы еще попадем в Рим.

Нас поместили в отеле, в отдельной комнате, на 10 дней, а потом мы должны были найти себе квартиру и переехать. Это было 18 августа 1978 года. В отеле мы получали трехразовое питание и жили как в пансионе. Почти ежедневно ходили в ХИАС – организацию, которая занималась оформлением эмигрантов, для отправки их в те страны, куда они хотели попасть.

Ездили в разные районы города и осматривали достопримечательности старины: изумительные храмы, площади, музеи, Колизей и другое.

Там же, в Риме, отметили 70-летие Марка. Приехал к нам в отель сын с семьей, привезли сладости, а мы открыли имеющуюся у нас бутылку советского шампанского и выпили за здоровье папы.

Интересный эпизод произошел с нашим маленьким внуком Даничкой. Ему было тогда год и 5 месяцев. У нас прямо в номере отеля стояло «биде», как и во всех квартирах в Италии. Даничке очень нравилось нажимать на кнопку крана, и когда начинала литься вода, то он старался подставить свой ротик, чтобы попить, не понимая, конечно, для чего служит это «биде».

Там же в Риме, когда мы были в ХИАСе, у меня очень поднялось давление. Меня отправили домой и прислали итальянского врача. Он дал мне такую таблетку, что давление сразу упало, но в организме был прямо целый переворот, который я очень тяжело перенесла и больше эти таблетки не брала.

Мы должны были переехать из отеля на квартиру через 10 дней, то есть 28 августа. Нам хотелось жить в пригороде Рима – Ладисполи. Это дачное место, где итальянцы живут летом и уезжают только оттуда к 1 сентября. Поэтому мы договорились с хозяйкой отеля, что заплатим ей сами еще за 3 дня и уедем из отеля только 31 августа. Марк с Жозом поехали в Ладисполи и сняли для нас отдельную однокомнатную квартиру со всеми удобствами, на первом этаже, у моря. Все как мне хотелось, а для Жоза в другом месте, так как не все хотели взять квартирантов с детьми, да еще и с собачкой.

Переехали мы в Ладисполи 31 августа и прожили там ровно 2 месяца. Жоз устроился сразу на работу переводчиком с английского языка на русский и обратно, чтобы семье было легче жить материально. Он каждый день ездил в Рим на работу в ХИАС.

А Марк начал немного ездить в Рим на курсы английского языка для эмигрантов.

Мы, конечно, были потрясены изобилием продуктов и по возможности старались есть как можно больше фруктов и овощей. Ездили на разные экскурсии по Италии, которые организовывали предпримчивые эмигранты из Союза, которые по разным причинам уже долгое время жили в Риме. Инночка даже нам прислала 100 долларов для поездок по стране.

Очень сожалею и до сих пор, что я не поехала с Марком в Венецию из-за того, что мне сказали, что там нужно очень много ходить и для моих ног это будет слишком тяжело.

Дело в том, что незадолго до нашего отъезда из Риги мы получили очень большое и подробное письмо от Инночки, в котором она подробно описывала поездку в Венецию. Она так красочно и хорошо описала все виденное, что, когда через некоторое время по телевизору была передача «Клуба путешественников» о Венеции, то у меня было полное впечатление, что я там уже побывала.

Во время нашего пребывания в Италии произошли очень большие события мирового масштаба: умер Папа Римский, выбрали другого, и тот вскоре умер, а потом был назначен третий – Папа Иоанн Павел II, здравствующий и поныне. Все это происходило на наших глазах, и мы специально ездили из Ладисполи в Рим, чтобы увидеть торжественные церемонии.

Мы вылетели в США 2 ноября, и до последнего дня я купалась в море. Итальянцы, привыкшие к жаре, конечно, содрогались, когда видели меня купающейся.

Марк быстро разобрался в итальянском языке и умело разговаривал с итальянцами и даже бывал переводчиком, когда приехавшие из Союза люди хотели снять квартиру. В таких случаях итальянцы звали его: «Синьор Марко», — кричали они из соседних домов. То же самое бывало и в магазинах. Продавцы ближайших магазинов уже знали его и любили вступать с ним в разговор.

Побывали мы у американского консула, у всех врачей, как положено, и, наконец, оформили все документы.

Интересный эпизод произошел со мной в ХИАСе, при оформлении документов. Наша ведущая сказала нам, что мы должны получить статус беженцев.

Я очень возражала и доказывала ей, что я ни от кого не бежала, никто меня не гнал, а еду я потому, что уехала наша дочь. Но, в конце концов, она мне доказала, что так нужно и так будет лучше для нас. Насколько же я была тогда не в курсе дела!

И еще я спорила с ней о написании нашей фамилии, показывала Инноччино письмо с адресом, где она писала нашу фамилию по-английски «Bakker», а ведущая говорила нам, что это неправильно и что писать ее надо так же, как по-русски «Bekker».

Пришлось и тут с ней согласиться. Теперь я довольна написанием нашей фамилии и считаю, что это правильнее, но, к сожалению, получилось, что в нашей семье у всех троих написание фамилии разное, и я всегда это очень переживаю

Наш сын Жоз вообще пишет нашу фамилию так — «Backer», потому что, учась в университете в Новосибирском Академгородке, и потом, работая в научно-исследовательском институте, ему приходилось писать научные статьи для международных журналов на английском языке, и он стал именно так подписывать свои статьи, потому что ему казалось, что дядя Гриша, живший много лет в Америке, так пишет свою фамилию, и решил, что так писать ее, наверное, правильно.

А оказалось, что Гриша вообще пишет «Baker». Но теперь уже он не может переделать фамилию, так как он ученый и все, что он подписывает, должно быть с одинаковой подписью.

В общем, все дела в Италии были закончены, и 2 ноября 1978 г. мы с Марком и Жоз с семьей — Милочкой, Павликом, Даничкой и собачкой Джиной сели в самолет рейсом Рим — Нью-Йорк со всем нашим багажом. Не помню, рассказала ли я о злоключениях с Джиной.

Когда Жоз приехал с семьей в Ригу в марте 1978 г., мы уже

подали документы в ОВИР и решили в ожидании ответа снять комнату на Рижском взморье.

Как-то Жоз утром пошел купаться, а Джина осталась на берегу, и в это время какой-то огромный черный кобель сделал Джину беременной. Жоз очень расстроился, поехал к ветеринару в Ригу, и тот дал ему лекарство и посоветовал сделать ей уколы, чтобы вызвать выкидыши. Жоз сам это сделал, но бесполезно. Она осталась беременной и родила в Ладисполе пятерых щенят. Милочка принимала роды, выкармливала их, а когда пришло время ехать в Америку, пришлось этих щенят раздать хоть по 1 доллару, потому что она считала, что если отдать их бесплатно, то люди могут их и выбросить. И вот четырех щенят она раздала, а с пятым Жоз накануне отъезда поехал на рынок «Американо» и с трудом отдал щенка какому-то любителю, которому он приглянулся.

Так что в США привезли только одну Джину, которая уже сейчас очень старая и больная, слепая и кастрированная, но живет у Милочки как «член семьи».

Мы вылетели по итальянскому времени в полдень, а приехали в Нью-Йорк вечером. Конечно, очень устали, но Инночки нам говорила по телефону, чтобы мы были готовы к большому «party».

Нас встречали почти все родственники и на машинах поехали к Инночки в дом, где внизу, в комнате, были приготовлены столы, кошерные и некошерные, на 75-80 человек, в основном, родственников, знакомых и американцев – Инночкиных друзей, с которыми она подружилась в США и поддерживает эту дружбу до сих пор. Были там люди, занимающие большое положение в Нью-Йорке, и всем им было очень интересно посмотреть на вновь приехавших из Советского Союза.

Я сказала тост, в котором рассказала, как мы решили уехать и как уехали. Говорила, конечно, на русском языке, так как тогда не знала ни слова по-английски. Переводила мое выступление госпожа Рута Орнштейн, жена рабби Орнштейна из Польши, знающая русский язык. Но через 5 лет, когда Инночки отмечала свое 10-летие приезда в Америку и наше 5-летие, а гости были те же американцы, которые были на нашем первом «party», я уже выступила на английском языке и без переводчика.

Итак, началась наша новая жизнь в Америке. Инночки уступила нам свою спальню, Жоз с семьей поселился в комнате Илюшеньки, а Инна с Левой спали в living room на диване, и Илю-

шенька там же, на маленьком диванчике. Было, конечно, очень тесно, но иначе невозможно было разместиться. И еще была Джина, которую приходилось в коробке провозить в лифте и обратно, чтобы ее выгулять, потому что в этом доме не разрешается держать собак.

Жоз сразу же стал усиленно искать квартиру для своей семьи, и спустя 12 дней они переехали в район Вашингтон-Хайтс в двухкомнатную квартиру, и сразу стало полегче жить.

Я занималась хозяйством, готовила, убирала, мыла горы посуды и все остальное, что делает каждая хозяйка. Марк, конечно, помогал мне во всем и оформлял все документы, нужные для нашей жизни в Нью-Йорке. Он оказался молодцом, сам везде управлялся со своим английским без помощи переводчиков и детей наших не беспокоил. Вообще, оказалось, что мы приехали вовремя, то есть когда мне исполнилось 65, а Марку – 70, потому что в Америке пособие и пенсию получают именно с 65 лет. А если бы мы приехали до пенсионного возраста, то нам пришлось бы работать, а работать мы могли бы, наверное, только по уходу за стариками. В этом качестве работали почти все наши эмигранты моложе 65 лет. Мы, к счастью, этого избежали.

Мы сразу подали документы на получение квартиры в том же доме, где жила Инночка с семьей. Прожив ровно три месяца у них, мы, наконец, получили квартиру и въехали в нее 1 февраля 1979 г., где и живем по сей день.

К нашему приезду Инночка, наконец, сдала все экзамены на американский «лайсанс» и, не зная еще окончательного результата, устроилась в резидентуру в госпиталь «Бет-Израиль» на 1 год. Работа там была очень тяжелая, потому что были бесконечные дежурства по госпиталю, по отделению, помимо основной работы, и она по 2-3 дня не бывала дома, ночевала в госпитале. Приезжала домой смертельно усталой, и ей ничего не хотелось, только лечь. В тот период она часто говорила: «Только бы выжить».

И вдруг, вскоре после нашего приезда, ей пришло письмо с извещением, что она все экзамены сдала, а вскоре она получила и сам «лайсанс». Но она в течение 5 лет так намучилась с учебой, работой, экзаменами, домом и семьей, что, по-моему, не так радостно восприняла это счастье.

Ведь она приехала одна из первых в 1973 году и потратила почти год на сбор информации и материалов: где учиться, сдавать экзамены, где получить вопросы для сдачи экзаменов и так

далее. Потом все это уже стало известно, и для новых эмигрантов было легче получить все сведения.

Проработав год в госпитале «Бет-Израиль», то есть до 30 июня 1979 г., Инночка уже с 1 июля начала работать в своем частном офисе, в «Крайслер билдинге» на 69 этаже, откуда открывался замечательный вид на Нью-Йорк.

Теперь, по прошествии стольких лет, она думает, что поступила тогда неумно, что не поехала куда-нибудь в отпуск, чтобы отдохнуть.

А мы тем временем проходили медицинскую проверку тоже в госпитале «Бет-Израиль», так как были туда прикреплены еще НАЯНОЙ. И вот как раз в тот день, когда мы переехали в свою квартиру, Марк был у уролога, и вдруг Инночка мне звонит по телефону, что папе должны сделать тест под общим наркозом, и в случае необходимости ему сделают операцию простаты. Я, конечно, очень расстроилась, расплакалась, испугалась.

Но ему очень удачно сделали эту операцию, хотя особой нужды и не было, зато в дальнейшем эта проблема уже не стояла у нас в семье, слава Богу. Марк пролежал целую неделю в госпитале и вернулся домой. Я же, переночевав одну ночь в своей квартире, вернулась опять к Инночеке, так как было тяжело оставаться одной в необжитой еще квартире.

Наш багаж с мебелью пришел лишь в марте: сначала один контейнер, а в апреле – второй. А пока мы положили на наши чемоданы Инночкины матрасы, подобрали пару стульев и столик и начали уже самостоятельную жизнь.

Когда прибыл весь багаж, мы начали собирать мебель, так как везли ее разобранной на доски.

И к концу апреля у нас квартира была полностью оформлена и убрана, и мы устроили нашу 42-ю годовщину свадьбы с новосельем вместе. Приехали к нам все родственники и знакомые; последних у нас еще тогда было не так много. Это было наше первое торжество, которое мы отметили в Америке.

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как я уже писала, я приехала в Америку с нулевым знанием английского языка. И, откровенно говоря, думала, что так и останусь на этом уровне, потому что голова у меня была «пустая» после инсульта, и начинать изучение незнакомого языка в 65 лет казалось мне бесполезным.

Но однажды я прочла в газете «Новое русское слово» объявление, что в синагоге «Янг-Израиль», что находится напротив нашего дома, открываются курсы английского языка для вновь приехавших эмигрантов. И мы решили с Марком туда записаться. Меня определили в группу для начинающих, а Марка – в более продвинутую. Преподавали там волонтеры, знающие хорошо английский язык. Занятия проводились два раза в неделю, и приходили на эти занятия вновь приезжающие эмигранты, которых поселяли в находящейся рядом с синагогой гостинице на 7-10 дней, в течение которых они должны были найти себе квартиру и переехать, а в этот отель поселялись опять новые эмигранты.

Это было начало 1979 года, когда приезжало самое большое количество людей из Союза.

И получилось так, что люди менялись каждую неделю, кроме нас, живущих рядом, и занятия начинались заново, то есть все время повторялась та же самая программа. Но это оказалось очень полезным для моей «пустой головы». От частого повторения программы я все-таки запоминала лучше, и через несколько месяцев мне показалось уже скучно ходить на эти занятия.

Там, на курсах, я познакомилась с Августой Зак и ее покойным мужем.

Так же мы узнали и о существовании школы для взрослых по изучению английского языка и пошли заниматься туда, сдав предварительно небольшие экзамены. Марк тоже поступил в эту школу, но довольно быстро прекратил посещать занятия, так как ему показалось неинтересным, потом и Ава ушла, и осталась я одна белая единственная эмигрантка из Советского Союза. Занятия проводились 5 раз в неделю, кроме субботы и воскресенья, с 9 до 12 дня. Я ходила туда 3 зимы и считаю, что основные знания я получила там, хотя мне было очень трудно, ведь там были студенты, которые уже жили по много лет в Америке и говорили прилично, а я даже не все понимала, что говорила преподавательница, но я научилась свободно пользоваться словарем, и это мне очень помогло.

В этой школе занятия продолжались круглый год: и зимой, и летом. Но я занималась только по 6-7 месяцев в году, потому что мы летом уезжали в кемпсы, и поэтому я, конечно, не могла получить соответствующие знания, но, тем не менее, для меня все было полезно.

После этой школы я занималась дома со своей приятельницей Аней Р., и мои знания еще пополнились, а затем Марк вдруг решил, что он пойдет учить английский язык в «Touro college» в 1986-87 г.г., ну и я, конечно, тоже пошла и даже в одну группу с ним. Одолела все трудности и считаю, что получила большое количество знаний.

Я теперь лучше разговариваю, больше понимаю и легче общаюсь с американцами.

Но, несомненно, большое удовольствие получаю от общения на русском языке, потому что я никогда не смогу выразить свои мысли на английском так же, как на русском языке.

На следующий год (1987-88 г.г.) мы начали занятия в колледже, но по разным обстоятельствам пришлось их оставить после первого семестра.

Марк же, кроме одной зимы в колледже, нигде больше не учился в Америке, но он молодец, теперь уже совершенно свободно говорит, читает, понимает английскую речь, телевизор, свободно общается с людьми. По-видимому, это у него все же предрасположенность к лингвистике, языкоznанию.

Я же со своими знаниями английского уже не чувствую себя «глухонемой» в Америке, как я называла себя вначале, по приезде в Америку, и очень этому рада.

МОЯ ОПЕРАЦИЯ РАКА ГРУДИ

Во время моей учёбы в школе английского языка произошел такой эпизод: я уже легла в постель на ночь и вдруг вспомнила, что забыла предупредить Аву, свою коллегу по школе, что не смогу завтра прийти на занятия, так как должна быть в госпитале «Бет-Израиль», на приеме у врача-терапевта. Лежа на спине и разговаривая с ней, я случайно положила правую руку на левую грудь и механически прощупала её, ничего не думая. И вдруг я нашупала с левой стороны шарик и с улыбкой говорю Аве: «Авочка, а я нашупала какой-то шарик в груди», – на что она ответила, чтобы я обязательно показала это врачу. Это было 21 апреля 1980г.

Шарик был такой маленький, что врач его сразу и не нашел, и когда я указала ему это место, тогда он только нашупал его. Направил меня к специалисту, тот послал на «маммографию», которая показала, что злокачественная опухоль размером в 1 см, и ее нужно удалить оперативным путем.

Я побывала еще у двух специалистов. К последнему меня повез мой сын, в Колумбийский университет. Тот был очень удивлен, что я обнаружила сама опухоль размером в 1 см., в то время как американские женщины обнаруживают их только в 3 см.

Удалить эту опухоль он тоже посоветовал. Да я и сама сказала, что не хочу держать в организме такую пакость, и была назначена на операцию на 21 мая 1980г.

Мне тогда было 67 лет. Держалась я очень стойко и с достоинством.

Отметили нашу 43 годовщину свадьбы, 30 апреля, а 10 мая мы были приглашены на день рождения к знакомым, и я сидела, не показывая своего беспокойства, а наша дочь Инночка все время плакала, даже будучи в гостях, и я же ее успокаивала, говоря, что не собираюсь умирать. Тем не менее, я написала завещание, которое лежит в моем секрете до сих пор.

К началу операции приехали наши дети. Я помню, что сын был голодный и что ему сложно было перепарковать машину и поэтому, наверное, когда я после операции проснулась от наркоза, то мои первые вопросы были обращены к сыну: покушал ли он и перепарковал ли машину. Операцию делал доктор Берлин, который 01.07 закончил свою резидентуру.

Меня выписали на десятый день, сняв часть швов, а затем я приезжала в поликлинику госпиталя для снятия остальных

швов. Чувствовала я себя хорошо, и поэтому мы решили поехать в кемп «Эмануэль», куда имели путевки. Там мы встретили много знакомых, и все говорили, что я хорошо выгляжу. Но на третий день нашего пребывания там, после того как я покаталась на лодке и искупалась в озере, я вдруг в столовой почувствовала себя плохо и, прийдя в комнату и смерив температуру, обнаружила, что она поднялась до 41 градуса. Эту температуру никакими лекарствами невозможно было сбить, я была в полубессознательном состоянии, а временами теряла сознание совсем. Никто не мог предположить, что со мной. Думали, что это отравление.

На третий день, 22 июня 1980 г., меня на скорой помощи отправили в ближайший госпиталь, где при помощи кровати-холодильника врачам все же удалось сбить мне температуру. Но я эту страшную процедуру запомнила, наверное, до конца жизни.

Я просто умирала и, по-видимому, поэтому меня положили в отдельную палату.

Наверное, на седьмой или восьмой день я проснулась как-то ночью, почувствовав запах грудного молока, и все простыни подо мной были мокрые. Оказалось, что шов на груди «взорвался» и поэтому все промокло. А как выяснилось впоследствии, у меня в груди остались нитки с узлами – их не все удалили по невнимательности. Это и дало такую высокую температуру.

Обнаружив, что мое состояние – последствие операции, врачи посоветовали перевезти меня в госпиталь «Бет-Израиль», где была сделана операция. Это было 1 июля 1980 г.

Мой муж находился в кемпе, но каждое утро его привозили ко мне в госпиталь из кемпа, а в конце дня забирали обратно.

Детям я сначала просила не звонить и не говорить о моем состоянии, но когда мы поняли, что дело плохо, Марк им позвонил, и они приехали.

Приехал наш зять Лева Грязовский на машине «Фольксваген» и в лежачем состоянии перевез меня в город, в госпиталь. Там после ужасно долгого и мучительного пребывания в отделении «скорой помощи» я попала в палату, и мне начали лечить мою открытую рану.

Тогда Инночка договорилась с доктором Хек, хорошим специалистом, и я попала под ее наблюдение.

Я пролежала на этот раз 16 дней в «Бет-Израиле». От высокой температуры у меня образовалось полное обезвоживание организма. Весь рот снаружи и внутри и весь пищевод были покрыты нарывами, и я ничего не могла ни кушать, ни пить, все

внутри горело, и давали мне только протертую жидкую пищу.

Вот это было самое тяжелое время, и в это время я потеряла 35 фунтов веса. Все мои платья висели на мне. Потом доктор Хек уехала в отпуск и поручила меня другому врачу, который сказал, чтобы я два раза в день, утром и вечером, принимала душ и клала сухую повязку на рану. И хотя мне и было очень трудно, я была очень слаба, но я сказала врачу, что эту процедуру я могу делать и дома, и меня на шестнадцатый день выписали домой из госпиталя «Бет-Израиль». Несмотря на мое тяжелое состояние, мы все же поехали в кемп «Изабелла Фридман», потому что лето было жаркое, и я вынуждена была сидеть в квартире без воздуха, если бы мы остались в городе. А в кемпах я сидела в саду, отдыхала, но, конечно, не купалась, а только два раза в день принимала душ.

Рана моя заживала, и ко дню рождения моего мужа, 25 августа, она зажила, чему я очень обрадовалась и сказала Марку, что это мой подарок ему. Но, к сожалению, уже на следующий день на месте раны опять появилась краснота, опухоль, меня сын отвез в офис к доктору Хек, и вот тогда-то впервые обнаружили почерневшие узлы ниток. Удалили их, но, видимо, не все, так как еще два раза после этого моя рана затягивалась, и опять на следующий день нужно было ее вскрывать. Доктор Хек сказала, что таких случаев бывает по статистике 5% всех подобных операций, и продолжается это до года. И именно я должна была попасть в эти 5%. И, действительно, после года эти мучения кончились.

Я до сих порхожу каждые три месяца на проверку к доктору Хек, которая очень внимательна ко мне и следит за моим состоянием.

В самом начале пребывания в госпитале, когда Инночка хотела с ней рассчитаться, она сказала, что хотя она и не принимает больных по медикейду, но меня она будет принимать. За что я ей, конечно, очень благодарна. Наверное, года через три я получила медикейр, и тогда она стала больше получать за мои визиты к ней.

Каждый год в апреле она направляет меня на исследование. Мне делают маммограмму, снимок грудной клетки, проверяют при помощи красящего вещества все кости и печень. Так меня лечит Америка (за что я ей очень благодарна). И хотя многие, даже американцы, советовали мне подать в суд на госпиталь за то, что во время операции оставлены были нитки, и я могла бы по-

лучить много денег в виде компенсации за нанесенный мне моральный и физический ущерб, я, конечно, отказалась. Потому что считаю, что Америка слишком много хорошего сделала для нас, как и для всех эмигрантов из Советского Союза, особенно пожилого возраста, которые ни одного дня не работали на благо этой страны. Да благословит ее Бог!!!

Sofa and Mark with children Inna and Jos, New York.

Mother's Day – «Mom, you are the best!»

**Sofa and Mark in the public library in New York –
always reading books.**

Sofa and Mark visiting Israel.

Lighting shabbes candles at home. New York.

**Sofa at the carnival
in the summer camp.**

**Sofa and Inna with Tessia Henze –
«our American mother
and grandmother».**

РАЗВОД ИННЫ

Прожив десять лет с Львом Грозовским, наша дочь Инна решила разойтись с ним. 03.01.1981 г. вечером я позвонила им и спросила у Левы: «Что у вас делается?» И он ответил: «Инна укладывает свои вещи».

Надо сказать, что жили они все годы недружно. Был он скуп, прижимист, очень болтлив и всегда раздражал ее. Женился он очень поздно, в 43,5 года, привык жить самостоятельно. С ранней юности был вне семьи и никакого воспитания не получил.

Когда у них родился сын, Илюшенька, он очень его любил, и я думаю, любит его и сейчас. Всегда был ласковым и хорошим отцом и посвящал ему много времени, так как он скрипач и ему не надо было работать 8 часов подряд.

Но когда Инночка была беременна, их отношения были настолько шаткие, что она очень нервничала и часто плакала. А в один из дней она сказала Леве, чтобы он ушел и дал ей спокойно родить. Тогда он обратился ко мне и попросил уговорить ее изменить свое решение, и мне это удалось. Тогда я предотвратила разрушение этой семьи, а теперь, через 10 лет, я уже ничего сделать не могла. Не было таких сил и такой энергии, да и дочка стала взрослее и самостоятельнее. А, кроме того, она мне говорила, что ее состояние часто доходило до того, что ей и жить не хотелось. И она твердо решила разойтись. А Лева не хотел этого. Стал ее уговаривать, упрашивая не делать этого, а потом просил вернуться, это уже после того, как она собрала свои личные вещи в пластиковые мешки и переехала в ближайший отель, где жила до тех пор, пока не нашла квартиру, а на это ушло месяц или полтора.

Ведь надо было и мебель купить, и всякую утварь, чтобы благоустроиться и начать новую жизнь.

Илюшеньке было тогда 9,5 лет. Он остался с папой, пока она переехала в новую квартиру. Потом она взяла его к себе, наняла «беби-ситера», которая приходила ко времени его прихода со школы, делала с ним уроки, кормила его и ждала Инночкиного возвращения с работы.

Так длилось несколько месяцев. На выходные дни Илюшенька ходил к папе, а он уговаривал Инну вернуться. Но когда убедился, что ничего не получается, он изменил свое поведение. Стал агрессивным.

Первое – это он везде и всюду обливал грязью Инну. Запретил общаться с ней друзьям, по принципу «или со мной, или с

ней», забрал ребенка на выходной и не пустил больше к маме. Он говорил, что лишит ее сына, зная, что она очень любит его и понимая, что этим накажет Инну.

Когда же она подала на развод, он потребовал от нее денег: сначала 10 тысяч долларов, а потом больше – 13 тысяч за то, что все это длилось долгое время.

Лева приходил к нам по несколько раз в день и изливал свою душу. Как-то он сказал мне: «Софья Марковна, я говорю с Вами не как с Инночкой мамой, а как со своей». Но было тяжело, потому что он сначала ругал, а потом и проклинал мою dochь. Каждая мать могла бы это выдержать, а я выдерживала полгода, пока не наступила развязка.

Инна была у нас, а в это время пришел Лева с Илюшенькой взять свои шины, которые лежали у нас на балконе. Когда Инна ушла, он вслед ей говорит: «Бесстыжая, надела платье без нижней юбки, и все просвечивает». Я ему отвечаю: «Ведь июль месяц, такая жара, все ходят полураздетые». А он все повторял: «Бесстыжая да бесстыжая». Тогда вмешался Марк и говорит ему: «Как вы можете говорить такие слова при сыне?» – «Могу», – отвечает он. «Ну, если вы можете говорить такое при сыне, то как вы можете говорить такое при родителях?» – «Могу!» – опять говорит он. «Ну, тогда вон отсюда!» – сказал ему Марк, покраснев и задыхаясь от гнева. Я испугалась, не случился бы с ним сердечный приступ, в таком он был возбуждении.

После этого инцидента Лева у нас больше не бывал и настроил Илюшеньку против мамы и против нас.

Илюшеньке было тогда 9,5 лет. Лева ему говорил, что он у него только один, у него никого больше нет, а у мамы есть бабушка и дедушка и брат Жоз, и если он будетходить к нам, то он его предаст, и ребенок старался показать свою ненависть к нам и к маме.

Много Инне пришлось пережить из-за этого. Были моменты, когда она не выдерживала, говорила, что больше не может. И если бы она поддалась этим эмоциям, то, конечно, потеряла бы сына.

А так время сделало свое дело. Илюшенька стал старше, стал сам думать и понимать, что мама есть мама. Да она еще так любит его, что готова в огонь и в воду пойти ради него.

Было бесконечное количество судов, разбирающих их семейные дела. На все это тратилось много душевных сил, времени и денег.

Инночке очень хочется дать Илюшеньке хорошее образование. Она все годы полностью оплачивала его обучение в одной из лучших школ Нью-Йорка – «Рамаз», в которой Илюшенька учился после «киндер-гарден». И вот в этом году закончил ее и поступил в колледж в Мэриленде, недалеко от Вашингтона.

Илюша стал теперь более выдержаный, мягкий, терпеливый. Он очень близок с мамой. Она знает его друзей, очень любит всех этих мальчиков, знакома с их родителями, общается со всеми. Чтобы быть ближе к миру своего сына, ходит все годы в синагогу при Илюшиной школе, где знакома и в хороших отношениях с администрацией и с преподавателями.

Инночка также поддерживает отношения со всеми американцами, которые уделили им большое внимание, когда они только приехали в Америку. Все они относятся к ней с большим уважением и встречаются по мере возможности.

БАР-МИЦВА ИЛЮШИ

Почти пять лет назад, 15 сентября 1984 г., мы торжественно отметили Бар-мицву Илюшеньки.

За два года до него Инночка договорилась в синагоге его школы о точной дате выполнения этого замечательного еврейского обряда. Она предложила Леве принять участие, но когда он узнал, во сколько это должно обойтись, он отказался. И она взвала на свои плечи все заботы, плюс – материальные. Во-первых, договорилась с учителем, который должен был подготовить мальчика, а затем уже с администрацией синагоги, с «катерингом», который должен был организовать ужин, с оркестром, с фотографами и с видео, снимающими все это на пленку для видеофильма. Ну и, конечно, цветы, украшение зала, пригласительные билеты и много всяких других дел. Илюшеньку она повела в магазин «Бломингдейл» и купила ему для этого торжества костюм, рубашку, галстук, туфли и всякое другое. И себе, конечно, она тоже купила очень красивое платье, в котором очень хорошо выглядела.

И я купила себе специально новое платье. Вся семья была очень торжественно настроена.

Семья Жоза тоже купила себе и мальчикам новые костюмы.

Прилетели из Калифорнии брат Марка Гриша с женой и его старшая дочь Джойс с мужем специально на это торжество. Остальные его дети по разным причинам не могли присутствовать.

Все остальные наши родственники были и в синагоге, и вечером на party.

Инночка предложила нам пригласить своих друзей, и мы пригласили человек десять.

Служба в синагоге была очень красивая и торжественная.

Когда Илюшеньку вызвали к Торе, он очень красиво и певуче читал ее. Потом вызвали его дедушку и его папу, которые тоже хорошо подготовились к чтению Торы.

После этого обряда Инночка организовала «ланч» для всех присутствующих в синагоге, где люди общались друг с другом и поздравляли виновников торжества.

Но тут произошел инцидент, который очень огорчил Инночку и всю нашу семью. В конце этого ланча Лева забрал Илюшеньку к себе домой, где должны были собраться его друзья на шашлык по поводу «Бар-мицвы». А у Инны должны были собраться гости дома. Она, конечно, очень расстроилась, расплакалась и даже в какой-то момент готова была отменить торжество,

которое должно было состояться вечером в синагоге, в специальном зале.

Я, конечно, стала ее отговаривать. Она согласилась, но ей это стоило много здоровья и нервов.

После посещения Инночкого дома все родственники собрались у нас дома, где мы подготовили торжественный обед. Вечером все поехали на бал по поводу бар-мицвы.

Все было проведено по еврейским религиозным традициям, с соблюдением, конечно, полной кошерности. Присутствовало 130 человек гостей, из них 40 человек – друзей Илюшеньки. Инночка, несмотря на все расстройства, взяла себя в руки и сама провела очень красиво все торжество. Всех благодарила за помочь в благоустройстве в Америке. Самых близких вызывали зажечь свечи. Нам, родителям, она с Илюшой преподнесла корзину цветов и такую же – Тасе, которая очень помогала его вырастить в первые годы их приезда в Америку.

Очень помог Инночке в проведении этого торжества директор Илюшиной школы и рабби его синагоги, рабби Лукстейн.

Это обаятельный человек, по-видимому, очень уважает Инну, и вел себя он так, как ни на одной бар-мицве. Он всегда, если и бывает, то как гость, а здесь – как первый помощник.

Может быть, потому, что это было первая бар-мицва у эмигрантского ребенка, которое выполнили по всем религиозным правилам и в этой школе, где Илюша учился с 6 лет, с «киндергартен». По-моему, в этой школе не было иммигрантских детей.

Ilya with his father
Lev. 1972, Riga.

Ilya's bar-mitzva. 1984, New York.

Ilya with his mother Inna.

НАШ СЫН ЖОЗ

В последних записях в этой тетради о сыне и его семье я писала, как мы приехали в Америку вместе с ними.

Жизнь у них, конечно, была нелегкая: маленький ребенок Даник, которому было 1 год 7 месяцев, да и Павлику было около 12 лет, еще тоже ребенок. Милочка очень нервничала. Пока они понемногу благоустраивались, денег, конечно, не хватало. Они долго были на иждивении НАЯНЫ.

Жоз очень хотел устроиться на работу по специальности. Он ездил по стране в разные штаты, в разные университеты, читал лекции, рассказывал о своей специальности, получал немного денег за это.

Познакомились с американцами, которые отдали им мебель и много разной домашней утвари за ненадобностью.

Потом Жоз получил работу в Колумбийском университете, в онкологической лаборатории, научным сотрудником. Сразу стало полегче жить. Но в университетах тоже низкая зарплата.

Все же через год после приезда они сняли квартиру в Нью-Джерси с двумя спальнями, гостиной и бейсментом. Сразу пришлось купить подержанную автомашину, потому что в пригороде трудно жить без машины.

А Милочка тоже к этому времени подыскала работу программистом в городе, тоже с невысокой зарплатой. Даничку они отдали в детский сад. Ему было уже 2,5 года. Он только начал говорить по-русски, а ему уже нужно было говорить по-английски. Ребенку это так же трудно, как и взрослым. Он, конечно, очень нервничал, стал капризным. После садика, по договоренности родителей, за ним приезжало такси и отвозило его в «Джуиш центр», в детскую группу, а потом – к «бебиситеру». А когда родители приезжали с работы, его привозили домой, или же они заезжали за ним.

Все это было и трудно, и дорого. Но мы, к сожалению, ничем не могли помочь, потому что мы живем в Манхэттене, а они – в Нью-Джерси. А когда они жили в Нью-Йорке, то иногда мы приезжали и оставались с Даничкой, когда Милочке нужно было пойти на интервью по поводу работы.

Ходил с ней почти всегда Жоз на эти интервью, потому что она тогда еще считала свой английский плохим, а у него он был лучше.

Но, в общем, жили они между собой, по-моему, хорошо и не ссорились.

С годами Милочка приобрела опыт работы, да она, по-видимому, способный программист, и стала расти на работе, переходила на лучшие места, с большим окладом и, в конце концов, она стала получать больше Жоза. А, кроме того, она в Америке почувствовала себя больше «человеком», чем в Союзе, свою вос требованность, силу и значение. Все это придало ей желание почувствовать себя выше, чем она была в Союзе.

Кроме того, ей приходилось ехать на работу в город общественным транспортом: автобусами и метро, потому что машину в Манхэттене негде запарковать. Дорога отнимала 3 часа в оба конца. Это очень долго, конечно. А еще, приехав домой, нужно было приготовить и накормить семью, когда состояние такое, что хочется лечь и отдохнуть. А об уборке квартиры уже и думать не-когда. Все вместе взятое привело к тому, что Милочка очень стала нервная, легко возбудимая, и семейная жизнь в конце концов разрушилась.

Из-за далекого расстояния мы помочь уже ничем не могли, да и наше здоровье не очень позволяло. На наши советы перейти на работу поближе к дому, в Нью-Джерси, или взять домработницу, чтобы облегчить себе и семье жизнь – она отвечала отрицательно.

Жоз, конечно, помогал ей во всем, даже готовить научился, и убирать, и стирать умеет, но хозяйкой в доме должна быть женщина.

В Союзе Милочка всегда смотрела Жозу в глаза, писала мне в письмах, что «он самый хороший муж не только в нашем околотке, но и во всем мире». Когда они приезжали к нам, на все наши вопросы: «Хочешь ли ты пойти на море, пойти в кино, пойти гулять?» – она неизменно отвечала: «Как Жоз хочет».

И я, и Инна даже ей говорили: «Ну а ты что хочешь, у тебя есть свое мнение, желание?» Даже когда Жоз уговаривал меня поехать в Америку, она молчала. Когда же я спросила Милочку: «Ну а ты что скажешь по этому поводу?» – она ответила очень коротко: «За мужем – хоть на край света». Это все подлинные ее слова.

Единственное, что меня радует – это то, что я никогда в их жизнь не вмешивалась, никогда не делала ей замечаний, никогда не сказала своему сыну о ней ничего дурного, а даже наоборот – старалась показать ему, как она похорошела, как сохранила фигуру, родив двоих детей, как она вкусно готовит, когда мы приезжали к ним в гости – вообще, только все самое хорошее. Хотя,

конечно, замечала и знала все недостатки. Но ведь недостатки есть у всех, и у всех они разные.

И все же мне очень жаль, что разрушилась семья, где двое детей. Я все же думала, что они сумеют ее сохранить.

Но три года назад, в 1986г., когда мы приехали из кемпа и увидели в нашей квартире чемодан с вещами Жоза, а на столе была записка для нас: «Это мои вещи, завтра я перееду на новую квартиру» – я, конечно, очень расстроилась, наплакалась. Когда Жоз приехал к нам, стала с ним говорить, уговаривать вернуться, но все было напрасно.

Он уже давно перетащил свою кровать в бейсмент, в подвал, где раньше жил Павлик, который к тому времени уже поступил в колледж и жил в общежитии. А в это время он как раз приехал к нам в город, и я с ним стала говорить как с взрослым. Спросила его мнение по этому вопросу. И он мне ответил: «Наверное, лучше, что они разошлись, чем жить вместе и все время ссориться».

А Даничка про это не говорил, но, конечно, понимал и очень переживал.

Я, приехав из кемпа, позвонила Милочке и сказала: «Ты ведь мать наших внуков и, несмотря на то, что вы разошлись, я думаю, что мы сохраним нормальные отношения с тобой, но об одном я тебя прошу: чтобы ты не говорила мне плохого о моем сыне и не ругала его. Я думаю, что вы оба виноваты в том, что произошло у вас в вашей жизни».

И она пока выполняет мою просьбу, держит себя деликатно с нами, приглашает нас в гости на их торжества, а мы и Инна приглашаем ее с детьми к нам в гости на все торжества и праздники, а теперь, когда приехали из Союза ее мама и сестра с семьей, мы и их тоже приглашаем к нам. Так же поступает и Инна.

И даже из аэропорта привезли всю семью ее сестры, когда они прилетели из Союза, к нам на «party» по поводу праздника Рош ха-Шана, и никто из нас не затрагивает вопроса об их разводе. Правда, в начале лета, когда Инночка пригласила их всех к себе на новоселье и день рождения, Елизавета Борисовна, мама Милочки, подсела ко мне и впервые за год своего пребывания в Америке спросила у меня: «Что же такое произошло у наших детей, что они разошлись?» – на что я ей ответила, что «лучше всего будет, если вы спросите у Милочки, но еще до того как они разошлись, она мне как-то сказала, что если они разойдутся, то это будет исходить от нее».

Но когда я на обратном пути от Инны, рассказала об этом Жозу, то он сказал мне, что это не совсем так. А я уже не стала вдаваться в подробности. Мне все это очень больно и обидно, что двое наших детей в разводе, как я говорю, сто процентов из ста. Но сейчас уже поздно об этом говорить. Пусть будут все живы и здоровы. Я никакой злости не испытываю к Милочке и ни одного плохого слова о ней не скажу ни одному человеку: ни родственникам, ни друзьям. Я вообще не люблю говорить плохо о людях и слушать плохое.

И каждую пятницу, зажигая свечи, я прошу Бога послать здоровье и счастье всем нашим детям и их внукам и помочь нашим детям обрести счастье в личной жизни. И всегда в этих молитвах я имею в виду и Милочку, так как много лет она была нашей невесткой, всегда с большим уважением относилась к нам, была очень внимательна и ни одного плохого слова я от нее не слышала. Правда, я не давала для этого повода. Надеюсь, что нам удастся сохранить и в дальнейшем наши отношения.

Она звонит нам, интересуется нашим здоровьем, поздравляет со всеми датами, праздниками и даже советуется со мной по вопросу своих отношений с родственниками, а они не на очень высоком уровне.

А вообще Милочка не очень многословна, но на моем семидесятилетии она сказала, что: «Вы, Софья Марковна, для меня образец женщины, какой должна быть каждая мать, жена». Мне это было, конечно, очень приятно услышать от моей невестки.

Jos with his wife Mila and mother and father. 1984.

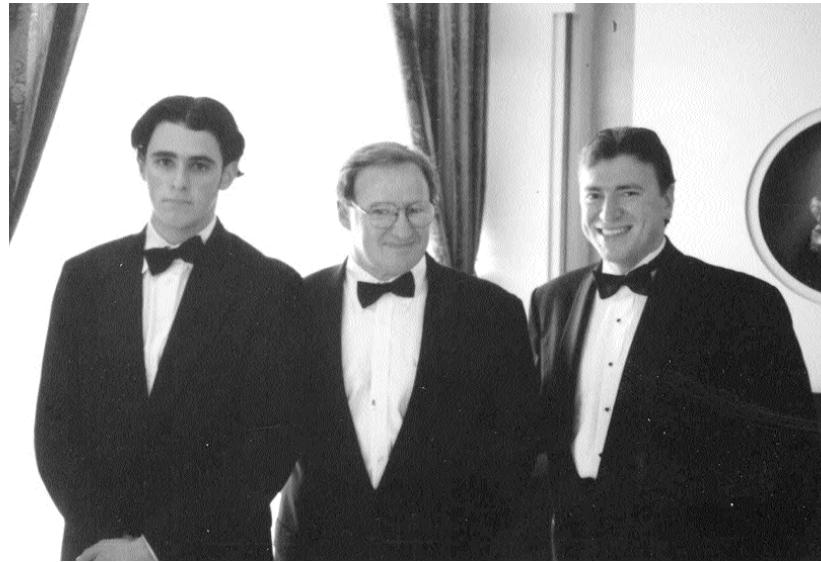
Joseph's sons Paul and Dan. 1985, New York.

**Paul and Dan with cousin Ilya Grozovsky – Inna's son.
1985, New York.**

Jos with his sons Paul, Dan and nephew Ilya. 1994, Passover.

Joseph and his sons: Paul and Dan. 1995.

Joseph with his wife Marina, Anton, mother and father. 1997.

САША И ЕГО СЕМЬЯ

Теперь я приступаю к воспоминаниям о Саше. Он самый младший из всех братьев в семье Беккер, седьмой. Когда я вошла в эту семью, он уже был женат на Вале, и на нашей свадьбе она была беременна своим старшим сыном Жоржем, который родился в сентябре 1937 г. Вале в это время исполнилось 18 лет, и они зарегистрировали свой брак в ЗАГСе одновременно с регистрацией ребенка. Саша в это время было 23 года. Он работал зав. радиоузлом в клубе полиграфистов. Это было после окончания им техникума. Там же он организовал курсы по изучению западноевропейских танцев. Примерно в это время Саша на танцах где-то познакомился с Валей, и она стала его постоянной партнершей в учебной программе в клубе. В то время было очень модно учиться танцевать западноевропейские танцы, и не только молодежь, а и люди постарше ходили в разные группы учиться танцевать.

Валя была в то время молодая, красивая девушка, с хорошей фигуркой и прекрасными ножками. Они очень хорошо и красиво танцевали, чем обращали на себя внимание.

Полюбив друг друга, они решили пожениться. Через 1,5 года после рождения Жоржа у них родился второй сын Володя. В детстве они были очень похожи друг на друга, как близнецы. Жили они материально очень тяжело. Бывали дни, когда Саша приезжал к нам на Лесной одолжить немного денег на расходы семьи. А однажды он приехал к нам глубокой осенью в одном пиджаке.

Мы в это время купили Марку новое пальто, и Саша попросил отдать ему старое. Такое у них было положение. В это время умерла Валина мать от туберкулеза.

Остались у нее два брата, близнецы, которые умерли от голода в Ленинградскую блокаду. Отец Вали, Николай Александрович после смерти жены несколько раз женился, и у него была еще дочь от другой жены. Он был очень хорошим кондитером и, по-моему, работал в ресторане «Метрополь» в Ленинграде. Потом он уехал из Ленинграда, жил в Таллинне после войны, а потом, кажется, в Средней Азии. Насколько я помню, после смерти Валиной матери семья распалась. И после войны у нее осталась только одна тетя, с которой она изредка встречалась и общалась.

Когда дети подросли, Валя поступила работать, и Саша устроился получше, они взяли домработницу, но тут нагрянула война. Саша ушел на фронт, детей Валя отправила с домработ-

ницей к ней в деревню, а сама осталась работать в блокадном Ленинграде. Но почему-то во время войны у Вали с Сашей нарушались отношения, и, по-моему, у них даже прекратилась переписка.

Может быть, потому что Валя устроилась работать в пошивочное ателье, которое, кажется, шило обмундирование для фронта, и заведующий там был отец Валиной подруги. Он отправил семью (у него были жена и две дочери) в эвакуацию. Сам же стал усердно ухаживать за Валей. Она была в то время молодая, красивая, энергичная женщина. Он ей во многом облегчил жизнь. Даже сумел добиться для нее квартиры в центре Ленинграда на улице Герцена.

После войны Валя долго разыскивала своих детей, но в результате нашла их и перевезла в Ленинград. Она к этому времени была довольно обеспеченной женщиной.

После войны Сашу еще отправили воевать в Японию. А Валя в это время сошлась с Левой, братом Саши. Но об этом я уже писала в том месте, где писала о Леве.

Тем не менее, Саша, вернувшись в Ленинград после войны, заехал к Вале с Левой и жил у них какое-то время. Валя, получив свою квартиру, сумела сохранить для Саши их комнату, где они жили вместе. Но Саше там жить не хотелось. Он ее продал какой-то женщине, оформив фиктивный брак. Ведь он вернулся с войны без всяких средств к существованию.

А сам в это время встретился с Шурой и сошелся с ней, поженавшись с ней только по религиозному обряду. Зарегистрировать свой брак официально он не мог, так как был зарегистрирован с женщиной, которой продал комнату.

Вскоре у Саши с Шурой родился сын Гриша. Жили они вместе с Шуриной мамой. Шурин брат в это время отбывал срок в исправительном лагере, а его жена Клара с сыном Мишой были в Ленинграде.

Шура, насколько я ее помню, была тихая, скромная девочка и, по-видимому, они не могли ужиться с Сашей. А, может быть, он ее не любил. Во всяком случае, очень скоро он ушел от нее, возможно, потому, что полюбил Клару, ее невестку. Он в это время работал вместе с Кларой.

Шура, конечно, очень огорчилась, ссорились они, обвиняли друг друга. Кончилось тем, что Саша с Кларой приехали к нам в Ригу, с расчетом начать там новую жизнь, но Шура решила отомстить им и написала на Сашу какой-то донос, по которому к

нам в Риге пришла милиция и арестовала его. А Клара сразу поехала в Ленинград.

Я с Марком не вмешивались в личную жизнь Саши, по принципу семьи Беккер, и делали все возможное, чтобы облегчить его положение. Хлопотали за него, носили ему передачи, пока он был в Риге. Потом его перевели в Ленинград.

Саша получил какой-то срок, и после отбытия его опять приехал к нам на Рижское взморье, где мы создали ему соответствующие условия для отдыха. Приезжала и Клара с Мишой, сыном от первого брака, и жили у нас все вместе в нашей маленькой квартире из двух комнат. Да и материально мы тогда жили не очень хорошо, так как дети были маленькие, и я тогда не работала. Так что у нас было не очень густо, жили очень скромно и тяжело. Но отказать Саше с Кларой в гостеприимстве мы не могли. Это не в наших правилах.

Ну а потом Саша уехал в Ленинград, устроился на работу, снял квартиру, и все вошло в свою колею. У них родилась дочь Ада. Жизнь стала улучшаться. Клара начала работать в театре, по распространению билетов, и прилично зарабатывала.

Дом у них был очень гостеприимный, полон людей и гостей, столы были всегда накрыты, и дверь в течение дня даже не закрывалась на замок. Это я помню было так, когда они жили в Ленинграде, в Поварском переулке. Дети росли, жизнь шла вперед.

Миша не очень хотел учиться и пошел работать, не полностью окончив школу. А Адочка после школы окончила педагогический институт.

Потом женился Миша на одесситке Белле, и у них родился сын Феликс. Через два года вышла замуж Ада, тоже за одессита, Толю Тойкач, и у них через год родился сын Женя, названный так в память мамы Марка – Гени. Миша и Ада были очень дружны, и вот они со своими семьями надумали эмигрировать в Америку. Они первыми из всей семьи двинулись в путь с маленькими детьми. Поначалу, как всем, им было очень трудно. А потом все утряслось, и жизнь стала легче, особенно материально.

Через год приехали в Америку и Клара с Сашей. У Саши было очень плохое сердце, но он мало обращал внимание на это, к врачам не ходил, лекарства не принимал, много ел того, что нельзя, а еще больше любил выпить.

От больного сердца и от обилия еды он стал очень полнеть, и все это сделало его жизнь невыносимой. Поэтому, приехав в

Америку, он вскоре решился пойти на операцию сердца, которая окончилась очень печально. Через две недели он скончался в возрасте 62 лет.

До операции Саша открыл обувной магазин, благодаря материальной помощи брата Гриши, но обанкротился, и деньги Гриши пропали.

После смерти Саши 19 августа 1976 г. Клара очень плакала и страдала и все благодарила Сашу «за 30 счастливых лет, прожитых с ним».

Но ей было очень тяжело одной, как она сказала, и она сошлась с человеком тоже по имени Саша, через полтора года после смерти мужа. У Саши (второго) умерла жена в Америке, тоже от сердца. Он был одного возраста с Кларой, интеллигентный, приятный человек, но, к сожалению, выйдя как-то из дома на работу, упал на улице и умер.

Это было ужасно. А еще через пару лет умерла и Кларина мама, которой было лет 77-78.

Вскоре после смерти Саши в Америку приехала Кларина сестра Раи со своей семьей: с мужем, сыном, невесткой и их мальчиком.

И, вообще, все Кларинны родственники, близкие и дальние, и в том числе Кларин брат Гена со своей семьей, уже были в Америке. Все они как-то устроились и стали жить совсем неплохо. Но Кларина сестра Раи никак не могла привыкнуть к этой жизни, очень тосковала по старой жизни и по Ленинграду. В общем, мучилась ностальгией, прожив несколько лет в Америке, заболела и вскоре умерла от рака печени еще довольно молодой.

Вот так Клара пережила в довольно короткий период времени смерть четырех таких близких ей людей.

Сама Клара тоже больной человек. Страдает разными тяжелыми болезнями, в том числе ужасным диабетом, который ее очень мучает.

Но, тем не менее, она работала в магазине женских вещей у Ады, своей дочери, и материально была прилично обеспечена. Ада же с Толей вначале открыли магазин мужской одежды, где очень хорошо процветали. Потом Адочка родила второго сына, которого назвала в память папы, Сашей. Затем они открыли еще несколько магазинов: четыре или пять – и мужской, и женской одежды.

Ада стала самостоятельно работать в магазине женской одежды. Ездила в Италию, закупала там товары, и дело шло

очень хорошо. Но потом почему-то ее бизнес пошел на убыль. Она осталась при одном магазине, а затем закрыла и последний.

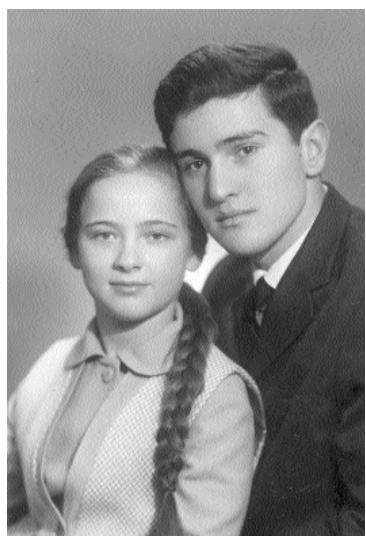
С Толей они разошлись, а совсем недавно она продала очень шикарный дом, который купили в Лонг-Айленде, и она вроде бы собирается купить себе квартиру в Манхэттене. Старший сын, Женя, не окончив школу, пошел работать, а младший живет с ней вместе.

Миша, сын Клары, тоже вначале процветал, родился у них уже в Америке второй сын, которого тоже называли в память Саши Джейкоб, так как еврейское имя у Саши было Яков. Миша сначала работал закройщиком брюк и хорошо зарабатывал, а потом открыл магазин детской одежды, работал там вместе с женой, преуспевал. А потом, почему-то, стало плохо, и он магазин закрыл, и все у них пошло на спад.

Но его родной отец недавно умер, побывав до этого в Америке у Миши. Он оставил довольно хорошее наследство. И если Миша его получит, то, может быть, поправит свои дела.

Такова история Саши и его семьи. Саша был всегда очень добрый, хороший, покладистый человек. Мало разговаривал, все делал тихо, молча, но его жизнь и работа были таковы, что он вынужден был часто выпивать. Жил всегда в Союзе под страхом и, наверное, все это привело его к такому негативному концу в довольно ранние годы.

Sasha Bekker with wife Klara, son Misha and daughter Ada.

Brothers Senya, Sasha, Mark, Lev and Arkadiy Bekker. Moscow.

**Sasha dancing with Lev
and Grisha Dvorkin
(Betty's husband). 1966.**

**Sasha, Klara, Grisha
(George), Olga, Lev.
1959, Leningrad.**

Sasha and Grisha (George) in Inna's apartment. 1974, New York.

Klara and Ada with Sofa and Mark at their 60th wedding anniversary.
May 1997, New York.

БЕТТИ И ЕЕ СЕМЬЯ

Прошло почти два года, как я не делала свои записи. Почекуто не было настроения. Сегодня, 9 августа 1989 г., я решила продолжить этот труд и закончить его, так как уже много сил и времени затрачено на это. Тем более, все идет уже к концу. Обо всех братьях моего мужа я уже написала. Теперь осталось написать о его сестрах. Начну со старшей сестры, Бетти, которая умерла год назад, 17 августа 1990г.

Бетти родилась в семье Беккер первой девочкой, после семи мальчиков подряд. Была всегда всеобщей любимицей, очень красивой, умной, доброй и хорошим человеком. Родилась она 20 июля 1915 г. в Одессе, как и все остальные ее братья, а в дальнейшем и сестры. Училась она в школе, потом в техникуме. Была очень любознательной. Будучи взрослой, изучала английский язык на разных курсах.

В 20 лет вышла замуж за Гришу Дворкина, своего старого знакомого, который в это время проживал в Москве.

Он был очень предпринимчивый, хороший человек со своеобразным характером. Ей не всегда было легко с ним, хотя он всегда старался создавать благоприятные условия жизни для своей семьи.

Но, конечно, с его задатками ему было бы очень хорошо, если бы он смолоду приехал в Америку. А, живя в СССР, он каждый раз нарывался на неприятности, от которых страдал сам и страдала его семья.

У них родились две дочери, старшая, Милочка, и младшая, Ирочка. Жила семья всегда в Москве. Дочери получили высшее образование. Вышли замуж. Семья Дворкиных жила на улице Горького, около почтамта, в малюсенькой квартирке, которую Гриша после войны построил из какого-то сарая. Дом был всегда полон гостей, родственников и друзей.

Семья была очень гостеприимная, и потому всегда мутились в тесноте. Но потом Грише удалось получить три кооперативные квартиры, постепенно, конечно, в одном жилом комплексе: для обоих дочек, а потом и для себя.

И вот, прожив всю жизнь в ужасных жилищных условиях, они, наконец, ожили.

Старшая дочь Бетти и Гриши, Милочка, или полностью Мальвина, вышла замуж за Гену М., военного офицера, со средним образованием, и приложила все усилия, чтобы он учился и закончил военную академию. Гена, вообще, из семьи военных. И

она этого добилась. В это время они получили кооперативную трехкомнатную квартиру, хорошо благоустроили и обставили ее, конечно, с помощью папы Милочки, Гриши. Родила Милочка двух сыновей: старший – Марик, и младший – Олег и, вроде, семья зажила хорошо.

Прожив 20 лет с мужем, семья Милочки распалась, так как Гена поехал в отпуск, там познакомился с женщиной старше его, изменил с ней жене, но, вернувшись домой, сам рассказал Милочке обо всем. Она, будучи очень гордой женщиной, не могла ему простить этой измены и выгнала его, а его любовница, русская по национальности, не давала ему покоя, все время звонила ему и звала к себе. Вот он и ушел к ней. Но Милочка не могла перенести этого шока и на нервной почве получила заболевание – рак яичников, и 1 августа 1987 г. умерла в возрасте 47 лет, оставив младшего сына шестнадцатилетним школьником. А старший, Марик, уже был женат и к этому времени уже имел сына, которого называли в память дедушки Григорием.

Дальше я опишу, как умер Григорий Дворкин, муж Бетти.

Гриша Дворкин был высокий, полный, крупный мужчина. Любил хорошо покушать и пил много жидкости, всяких безалкогольных вод. Мы всегда удивлялись, как только его почки перерабатывали такое количество жидкости. В конце концов, у него образовалось заболевание почек. Он очень долго мучился и страдал от этого заболевания. Ему необходимо было делать промывание почек, но в Союзе это было невозможно, так как не имелось препаратов для этого.

Бетти обратилась к нашей дочери, Инночке, которая уже в то время жила в Америке, с просьбой достать эту установку. Купить ее можно было, но доставить в СССР – невозможно. Поэтому, промучившись много лет, Гриша умер от этого заболевания в мае 1978 г., в возрасте 67 лет. Марк поехал в Москву на похороны, а я была нездорова, поэтому осталась дома.

Бетти была очень преданной женой, и когда Гриша лежал в больнице, она дневала и ночевала там. И вот однажды, когда у него брали кровь, ей брызнула капля на открытую ранку на руке и заразила ее. Когда мы уезжали в Америку, в 1978 г., она лежала в больнице, в инфекционном отделении, где ее лечили от этой инфекции. Она промучилась много лет и 17 августа 1990 г. умерла от этого заражения в возрасте 75 лет. Она была уже очень слаба. Тем не менее, ее одели и посадили в кресло.

Приехали все родственники, даже из Ленинграда, и отмети-

ли ее семидесятипятилетие. Но, как нам потом писал Арон, брат Бетти, это был не юбилей, а прощание с Бетти в ее день – 20 июня, а через 27 дней она скончалась. Мы в это время были в кемп-пе, а когда приехали, то Инночка мне сказала об этом. Я была потрясена и боялась сказать Марку.

Но через пару дней, подготовив его предварительно, я сообщила ему печальную весть.

Но я не могла представить себе, что у него будет такая реакция. Он закричал, истерически заплакал, стал метаться по комнате и возмущаться, почему ему не сообщили сразу, он бы полетел, помог и так далее, хотя понятно, что это уже ничего не изменило бы.

Но Бетти была его любимая сестра, ближе всех других ему по духу, и он очень тяжело пережил ее кончину. А незадолго до этого я написала ей письмо, и Марк приписал от себя, приглашая ее приехать к нам, в Америку, в гости, и если ей трудно одной, то с дочерью Ирой и, может быть, здесь, в Америке, ее можно будет подлечить. На это приглашение она ответила, что она уже слишком слаба и не сможет приехать, а вот если мы пошлем приглашение Ирочеке, то она будет очень рада.

И Инночка послала приглашение Ирочеке приехать в гости на один месяц. И 8 октября 1990 г. она приехала в Америку. Вся семья Беккеров ее очень хорошо встретила, подарили ей много подарков, в том числе и дядя Гриша. Она накупила себе много хороших вещей и повезла много подарков своей семьи. Осталась очень довольна поездкой, но сообщила нам, что ее племянник, Милочкин младший сын, Олег, хочет приехать в гости в Америку и остаться здесь навсегда. Но никто из семьи не хотел взять на себя ответственность за такого мальчика, которому всего 20 лет. Многие родители не могут справиться со своими детьми.

Тем не менее, Олег приехал через какое-то общество, которое послало ему приглашение. Очень опекает его Инночка, у которой сын Илюша его возраста: она послала ему деньги, повезла много одежды, перезванивается с ним. Он сейчас находится в Калифорнии, и мы еще его не видели, хотя говорили с ним по телефону и предложили жить в нашей квартире, когда он будет в Нью-Йорке. Но у него изменились планы, и пока он в Калифорнии. Надеемся, что он пробьется и получит право на работу. Это для него теперь самое главное.

Вот такова история этой семьи. А мы вчера зажгли свечку в

первую годовщину смерти Бетти, 17 августа, «юрцайт».

Что касается Ирочки, то она вышла замуж за Бориса Уманского, племянника Гришиных знакомых. Вначале вроде все было хорошо, но потом она поняла, что они очень разные люди, и жизнь проходит неинтересно. То ли после этого заключения она встретила на своем жизненном пути человека по имени Юра, с которым она готова была соединить свою жизнь, то ли Ира встретила его раньше, и поэтому решила разойтись со своим мужем.

Но факт, что она разошлась с Борисом, а Юра в это время погиб, попав в аварию за рулем мотоцикла. Ирония судьбы, и Ира оказалась одна с сыном Женей. И так и прожила всю жизнь, не выходя замуж. Те мужчины, которые встречались ей, не нравились ее отцу, Грише, по разным причинам не подходили.

Ира родилась в начале 1946 г. Интересно, что после войны, летом 1945 г., мы своей семьей возвращались в Ленинград из Тбилиси, где Марк нес военную службу, и встретились в Москве, у Бетти. Кроме нас была там еще и Раи, младшая сестра Марка. Я, Бетти и Раи были беременны. Раи родила второго сына, Юру, 17 октября 1945 г., Бетти родила Иру, вторую дочку, а я родила сына, Жоза, 17 ноября 1945 г., то есть то, что нам хотелось, так как у нас была уже дочь.

А Раи впоследствии родила третьего ребенка, и это была девочка. А Гриша так хотел сына, когда родилась Ирочка, что он, по-моему, даже в роддом не пошел и целый год почти не подходил к ребенку.

Ну а потом, конечно, очень полюбил ее, так как она очень похожа на него внешностью: крупная, высокая, полная, да и по характеру в отца – на долгие годы.

Betty with brothers Mark, Aron, Lev, Sasha, Senya, Arkadiy. 1933.

Betty with her husband Grisha Dvorkin.

Betty's husband Grisha Dvorkin with Lev, Senya, Sasha
and Olga's husband Semen Budnevich.

Betty's daughters

Mila

Ira

Betty with Ira

Ira with her late sister Mila's sons Mark, Oleg and grandson Grisha.
Moscow.

Oleg with cousins Ilya Grozovsky and Zhenya Bekker at 60th wedding
anniversary of Sofa and Mark Bekker. May 1997, New York.

Ira and her family: son Zhenya, his wife Nadia, granddaughters Lena
and Sasha with Joyce and Inna. Moscow, 2002.

ОЛЯ И ЕЕ СЕМЬЯ

Наконец-то, после десятимесячного перерыва, взялась за свое «писаниe». Надо заканчивать его, а то уже слишком затянулось.

Сейчас очередь дошла до Оли. Это вторая сестра Марка, которая родилась 17 мая 1918 г., девятым ребенком в семье Беккеров. Росла очень своеобразным ребенком. Училась в школе, потом в техникуме, в 20 лет вышла замуж за Мишу Богорада.

Была красивая, цветущая девушка, на еврейку совсем не похожая. Даже когда она пришла к нам на свадьбу, и моя мама увидела ее впервые, то она спросила у Марка: «А кто эта «шикса» (то есть русская)?».

Свадьба Оли совпала с днем ее рождения – 17.05.1938 г. Отмечали в Павловске (пригород Ленинграда), в квартире Мишиных родителей, а они еще объединили эту свадьбу со свадьбой своей дочери Иды, и получилось, что у них в один день поженились и дочь и сын. Запомнился мне этот день еще и потому, что у меня с Марком произошел первый инцидент за год нашей супружеской жизни, и вот почему.

Мама Марка не пригласила на Олину свадьбу моих родителей почему-то, и я обиделась за них и сказала, что не поеду на свадьбу.

Марк стал мне объяснять, что это его сестра, и он не может не поехать, на что я отвечала: поезжай один. А он без меня не хотел, и так мы дискутировали допоздна. Я сдалась, и мы приехали в Павловск последним поездом. Я не подошла даже к столу, выразив таким образом свою обиду.

Запомнилось, что подарили мы Оле зеленый шелковый абажур на лампу потому, что так было распределено: кому что купить в подарок.

Надо сказать, что жили Оля с Мишой не очень-то хорошо, так как он был из простой, грубой семьи, и это, конечно, никому не нравилось, в том числе и маме Марка. Но через год, 7 апреля 1939 г., у Оли с Мишой родилась дочь Аллочка. При родах у Оли получилось заражение крови – сепсис, и она была при смерти. Это было в роддоме, на Выборгской стороне, в Ленинграде. Когда об этом узнала моя мама, она подняла такой шум, что мы с Марком разыскали профессора-гинеколога Хлебникова и привезли его в больницу, и он помог спасти Олю от верной смерти.

Жизнь у Оли с Мишой не ладилась. Но когда Оля однажды

приехала с ребенком к своей маме и сказала, что хочет остаться и домой не поедет, то мама не разрешила ей это сделать. Она сказала: «Раз вышла замуж, так живи с мужем. Возьми ребенка и поезжай домой».

Оля была вынуждена вернуться. Потом Миша получил от работы комнату в Пушкине (бывшее Детское село). Там все было ужасно убого и бедно. Я это увидела, когда приехала туда прямо с работы на день рождения Аллочки, 7 апреля 1941 г. – ей исполнилось два годика. А я была беременна нашей дочкой Иннокией, которую родила через два месяца. Марк же был уже в армии на трехмесячных военных сборах.

Время было очень напряженное, перед самой войной, и это чувствовалось во всем.

Когда грянула война, 22.06.1941 г., Миша отправил Олю с ребенком в Свердловск, в эвакуацию. Потом он туда забрал маму, которая в это время уехала с младшей дочерью Раей в Уфу.

Оля забеременела вторично, и в тяжелых условиях войны, эвакуации, в ужасных бытовых условиях родила сына Леню 24 ноября 1942 г., хотя жизнь с Мишой все так же не ладилась. Несмотря на то, что он по-своему любил Олю, он был груб и изменил ей с другими женщинами. А она там, на работе, росла: стала директором фабрики-кухни – крупнейшей в Свердловске и пользовалась большим уважением и авторитетом.

Когда кончилась война, Миша получил новое назначение и переехал с семьей по месту работы, а маму привезли в Ленинград, в ее квартиру на Лесной проспект.

Потом и Оля с Мишой вернулись в Ленинград, и началась у них «эпопея с жилплощадью», как называли в Советском Союзе квартирные проблемы. У них была какая-то очень плохая, темная комната, они меняли свои комнаты на квартиры и, наконец, у них получилась хорошая, но маленькая квартира.

Дети росли, учились, а жизнь с Мишой становилась все хуже. У него появилась постоянная любовница, и когда Оля убедилась в этом сама, увидев их вместе своими глазами, то решила развестись с ним и вскоре осуществила это свое желание. Но недолго до их развода их дочь Аллочка встретила интересного внешне молодого человека и через некоторое время вышла за него замуж. Звали его Виктор, и был он, кажется, племянник писателя Маршака по материнской линии. Прожили они всего, кажется, четыре месяца. Жизнь у них не получилась, а почему – я толком не знаю. Они разошлись, но Аллочка осталась беремен-

ной и решила сделать аборт, хотя решиться на это ей было очень страшно в 20 или 21 год. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, и все страхи остались позади.

Аллочка была у нас первая племянница, которая вышла замуж, и мы приехали на ее свадьбу из Риги, где жили в то время. Потом мы, конечно, очень переживали ее развод. Прошло немногого времени, кажется, года полтора или два, и Аллочка вторично вышла замуж за Алика.

Были тоже большие проблемы с квартирой для них. Ведь это в Союзе вечная проблема.

Вскоре Аллочка родила своего первого сына Гарика, и в очередной наш приезд в Ленинград мы поехали с Олей навестить эту молодую семью. Сидела она с маленьkim ребенком на руках, усталая, замученная и неудовлетворенная жизнью.

И опять через какое-то время Аллочка разошлась со своим вторым мужем и осталась уже с ребенком.

Оля все годы в Союзе помогала своей дочери материально, возмечая этим то, что не помогала физически ухаживать за ребенком, так как всегда говорила, что не любит такую работу.

К этому времени Оля познакомилась с Семеном Будневичем, будучи в синагоге на праздник Симхат Тора, и вышла за него замуж. Ее сын Леня тоже подрос, отслужил армию в Тбилиси, там общался с нашими друзьями Амерхановыми и, когда он вернулся в Ленинград, то Оля как-то путем разных обменов устроила квартиру для Аллочки с ребенком и Лени вместе. А так как они очень дружны между собой, то им было обоим намного легче жить. А Оля, конечно, все помогала ей материально.

Прошло время, и Алла познакомилась с Аркадием, который был в разводе с первой женой и имел сына от нее.

В 1972 или 73 году Аллочка в третий раз вышла замуж, за Аркадия, и родила второго сына Илюшу.

Нельзя сказать, чтобы она была счастлива с Аркадием, но все же у нее есть семья.

Я слышала ее рассуждения, что если бы можно было взять от всех трех мужей их лучшие качества и передать их одному, то, возможно, получился бы тот человек, который был бы ей мил. А, вообще, она не видит возможности встретить такого человека и поэтому вынуждена мириться с тем, что имеет. Такова жизнь.

Что же касается Лени Богорада, то его жизнь тоже сложилась интересно.

Уже после службы в армии он встретил девушку, на кото-

рой, в конце концов, женился, поссорившись из-за нее со своим другом Геной Фихером (братьем Клары Беккер), так как они оказались соперниками, но она предпочла Леню.

Это была долгая ссора, и помирились они только после того, как Леня, прожив с ней очень недолго, может быть, года 2-3, разошелся. Слава Богу, что хоть не осталось детей.

А Гена вскоре тоже женился на очень хорошей девушке, по-моему. Живут они до сих пор и имеют уже взрослого сына Илюшу.

Леня же в 1973 году решил эмигрировать в Америку, где уже в то время была Ада с Толей и с ребенком. Это дочь Саши и Клары, младшего брата Марка.

Ему много пришлось пережить, работать на разных работах и, попав к одному хозяину магазина, он познакомился с его дочерью и женился на ней. Ее имя ...

Родители Лениной жены сыграли красивую свадьбу в ресторане. Были приглашены все его родственники, находившиеся в то время в Америке, в том числе и наша дочь Инна.

Ленин тесты был довольно богатый человек, имел фабрику в другом городе и отправил туда Леню с женой управлять этой фабрикой. Но ему показалось там очень скучно, никого из друзей не было рядом, он часто уезжал в Нью-Йорк, а жена оставалась одна. В общем, прожив несколько месяцев, они разошлись, но она осталась беременной. Её отец потребовал, чтобы Леня отказался от будущего ребенка и никогда не появлялся. И так все и произошло, хотя потом они были очень обижены, что никто не пришел даже в больницу, после рождения сына. Но когда мальчику исполнилось 10 лет, он заявил, что хочет увидеть своего отца, и его дедушка позвонил Лене и предложил ему встретиться с мальчиком в его присутствии. Таким образом, состоялась встреча. Леня рассказывал, что он точно похож на него, блондин, пухленький, как Леня, также любит покушать много и вкусно. По-моему, такая встреча была только один раз.

А у Лени уже лет 13, как была семья. Он женился в третий раз на Нелле Осенкиной, у которой мать и брат дантисты. У нее есть дочь от первого брака, а вторая дочь, Мишел, родилась от Лени и получила свое имя в память отца Лени – Миши Богорада.

А Леня очень долго мучился в Америке, работал на разных работах: и таксистом, и на мебельной базе, и в магазине, и брокером. И, наконец, он нашел себя. Учился, получил «лайセンс» – диплом на право работы «риэлтером» и, по-моему, успешно ра-

ботает, открыв свой офис по продаже недвижимости. Дай ему Бог счастья и успехов. Он очень хороший и добрый человек.

У Алочки от старшего сына Гарика есть две очаровательных внучки. Он женился очень рано, по-моему, в 20 лет, на красивой, молоденькой израильянке, родители которой приехали в Израиль из Литвы. Была очень красивая свадьба в ресторане, с большим количеством гостей: родных и друзей.

Гарик и Дорит, так звать его жену, жили очень хорошо, открыли свой магазин, и все было успешно. Дорит помогала ему в магазине. Но потом был какой-то период, когда они даже расстались, но через скорое время сошлись опять, и все пошло у них хорошо.

Что же касается второго сына Алочки, Илюши, то она все время в беспокойстве за него. Он вырос очень красивым, стройным мальчиком высокого роста, девочки не дают покоя, без конца звонят и «липнут» к нему. Любит красиво одеваться, а родители потакают этой его страсти. А также любит погулять и приходит домой утром. На занятия уже нет возможности приходить вовремя. Поэтому в какой-то момент Илюша даже бросил школу, кажется, не окончив последний класс, не хотел и работать, а только – гулять.

Но потом родителям как-то удалось его уговорить, пообещав подарить машину, если окончит хотя бы школу и поступит в колледж. Он выполнил их просьбу, взамен получил машину, но, по-моему, учиться не хотел. Я знаю, что он устроился работать вместе с двумя своими товарищами, которые тоже не хотели учиться, на биржу. И там им нравится работать. Они очень довольны. Ну что же, кому что дано. Может быть, они и правы. Кому-то дано в жизни учиться, достигать каких-то высот, а кого-то интересуют деньги.

Теперь об Оле и ее жизни.

Когда она вышла замуж за Сеню Будневича, мне показалось, что он очень хороший и порядочный человек. Но недаром русская пословица гласит: чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли.

Видимо, она узнала его лучше всех окружающих и уверяет, что он очень тяжелый человек и жить с ним нелегко. А я так все-таки думаю, что его характер очень изменился с возрастом.

Он очень хорошо относится к ее детям и внукам. Это его большая заслуга. Но они никогда не вмешиваются в их личную

жизнь.

У него никогда не было детей. Может быть, это и сказываеться. Ведь любовь к детям заложена в каждом человеке.

Сеня считает, что он все знает, лучше всех разбирается во всех вопросах, все умеет, и поэтому у него нет никакого уважения к Оле. Он грубит ей, ни в чем не уступает, подтрунивает над ней и поэтому каждый раз у них возникают стычки, скандалы, после которых он перестает разговаривать, и это длится месяцами, что создает в семье нервозную обстановку. А выхода из этого положения нет. Ведь живут они уже вместе лет 30, не разводиться же им теперь в их возрасте.

Тем более что Оля всегда вспоминает слова ее матери: «Хоть палка, но муж в доме», – потому что «женщина плохо смотрится без мужа».

Может быть, это и правильно, но, наверное, не для всех и, особенно, современных женщин, образованных, самостоятельных и работающих.

Общих интересов у Оли с Сеней тоже очень мало.

Оля любит все видеть, знать, ходит в театры, на концерты, в музеи, ездит на разные экскурсии, в разные места и страны. Сеню же ничего не интересует. И так получается, что ходит и ездит Оля, почти всегда и повсюду одна, что, конечно, для нее очень печально.

Но в то же время Сеня иногда делает для нее и много хорошего.

Несмотря на это, обстановка у них в доме очень нервозная.

Leningrad, Russia.

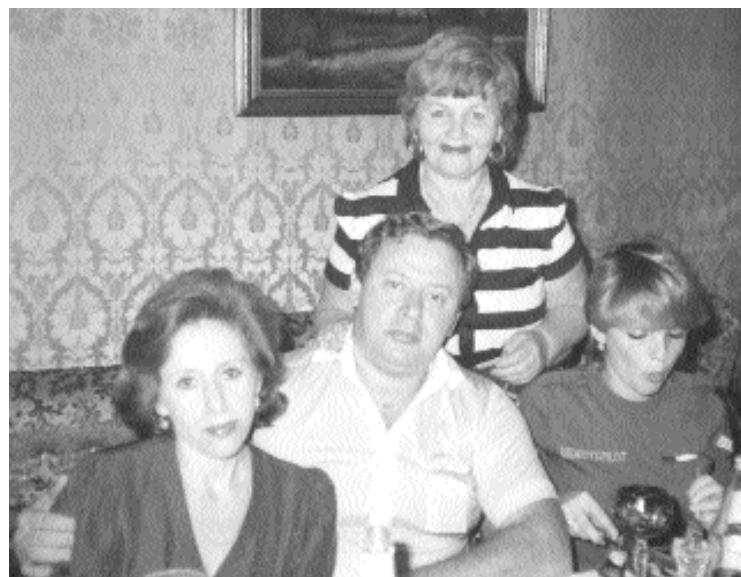
**Olga with her husband
Semen.**

**Olga with her daughter
Alla and son Lenya.**

Olga with daughter Alla and niece Joyce. New York.

Olga with daughter Alla and son Lenya. New York.

Bar-mitzvah Olga's grandson Ilya. 1984, New York.

**Olga with her brothers
Mark, Senya, Aron and Lev.
New York.**

Olga's son Lenya and granddaughter Michelle.

Olga and her husband Semen Budnevich.

**Olga and Sofa
in Israel.**

**Olga with brothers: oldest Arkadiy
and youngest Sasha. Leningrad.**